

DOI: 10.15393/j9.art.2012.345

Наталья Николаевна Романова

ассистент кафедры мировой литературы,
Луганский национальный университет им. Тараса Шевченко
(Луганск, Украина)
poetica@post.com

ЕВАНГЕЛЬСКИЙ ТЕКСТ В РОМАНЕ

Ф. М. ДОСТОЕВСКОГО «НЕТОЧКА НЕЗВАНОВА»

Аннотация: В статье рассматриваются параллели с евангельским текстом в романе Ф. М. Достоевского «Неточка Незванова», анализируются и сопоставляются имплицитно введенные в текст романа новозаветные притчи и способы их художественной трансформации. Основной сопоставительный анализ посвящен теме Божьего суда над падшим человеком и теме людского (фарисейского) суда. Среди притч, художественно встроенных в повествовательную ткань романа, рассматриваются притчи о мытаре и фарисее, о блудном сыне, о пропавшей овце, о самовозвышающихся званных, о званных и избранных, о талантах и о тесных вратах. Сравнение ведется как на лексическом, так и на образном уровнях. Библейские реминисценции являются важными сигналами, позволяющими максимально глубоко постичь исходный смысл произведения. Аллюзивный смысл несут как портретные характеристики героев, так и принадлежащие им вещи и предметы. В статье также рассматривается проблема сакрализации образа главной героини.

Ключевые слова: кенозис, саркализация, притча, эктип

Особое смысловое напряжение романа, в котором раскрывается его глубинное содержание, связано с темой Божьего суда над истинно падшим человеком и темой людского (фарисейского) суда. Рассмотрим тему возмездия Божьего, настигшего нераскаянного грешника Ефимова, который загубил не только свыше данный талант, но и две жизни рядом. Изменения в характере Ефимова произошли после дружбы с загадочным итальянцем. После смерти таинственного друга Ефимов получает в наследство черный фрак и скрипку, которая делает из него талантливую скрипача. Но цена за это слишком велика — бесценная душа. Многие объясняет ночная сцена — беседа в полночь (самое подходящее время для сакрального диалога) незаслуженно обиженного помещика-благодетеля с арестованным скрипачом. На вопрос помещика: «Егор, за что ты так обидел меня?» Ефимов, опомнившись, отвечает: «*Бог знает*, за что я так обидел вас, сударь!.. знать, бес попутал меня!»¹

Через несколько лет Б. встречает Ефимова у входа в грязный трактир (антипод храма). В самом трактире, куда они заходят вместе, дается портретная зарисовка отчима Неточки:

Был почти в лохмотьях, в худых сапогах; растрепанная манишка его была вся залита вином².

Телесная же ущербность в поэтике Достоевского часто указывает на поврежденность духовную. Далее следует описание:

Он очень изменился, пожелтел, отек в лице; видно было, что беспутная жизнь положила на него свое клеймо неизгладимым образом³.

Гордец пал, о чем предупреждает Библия:

Поникинут гордые взгляды человека, и высокое людское унижится (Ис. 2:11).

И далее о суде над самонадеянными грешниками:

И будет вместо благовония зловоние, и вместо пояса будет веревка, и вместо завитых волос — плешь, и вместо широкой епанчи — узкое вретиче, вместо красоты — клеймо (Ис. 3:23).

Портретное соответствие Ефимова этому описанию очевидно: хмельное зловоние, плешь вместо волос, вретиче вместо достойной одежды и, наконец, клеймо на желтом отеком лице.

На шее Ефимова вместо нательного креста на черном шнурке висит ключ от сундука — самого большого его сокровища, в котором хранится мистический черный ящик (футляр со скрипкой), символизирующий гроб. Каждый раз Ефимов будто хоронит свой инструмент:

Скрипка с теми же предосторожностями была уложена в ящик, ящик был заперт и положен в сундук⁴.

Здесь скрипка выступает заместителем живого тела музыканта, и герой фактически хоронит самого себя. Вспомним сцену у тела его мертвой жены, когда Ефимов играет на своем мистическом инструменте, как на собственных похоронах:

Наконец он взял скрипку и с каким-то отчаянным жестом ударил смычком... Музыка началась. Но это была не музыка... <...> Это были не звуки скрипки, а как будто чей-то ужасный голос загремел в первый раз в нашем темном жилище... загремел ужасный финальный аккорд⁵.

Последний зловещий аккорд на скрипке онтологически равен ужасной смерти Ефимова. Через несколько дней он умер.

Музыкант сделал своим божеством инструмент. Но В. Н. Топоров замечает: «Только “преодоление” вещей, отказ от них позволяет душе человека найти Бога» [2, 23], тем самым разоблачая «вещного» героя. Вообще замещение человеческого образа вещью имеет в романе существенное значение. Неточка будет терзаться мыслью:

Всего более мучила меня в это мгновение матушка. «Зачем мы ее оставили, — думала я, — одну? покинули ее тело как ненужную вещь?»⁶

Символически Ефимов под грудой вещей хоронит тело жены:

Закрыл матушку совершенно и спрятал под набросанной грудой⁷.

О духовной ущербности Ефимова красноречиво говорят ветхие и поврежденные предметы: разодранные бумажные ширмы (заместители лохмотьев), тряпки, щетки, деревянная посуда, разбитая бутылка. Он одет в изорванный сюртук — своеобразный двойник разорванных ширм. Ветошь, ветхие вещи, чреватые тлением, вторят, таким образом, ветхому человеку, которого с появлением Нового Завета каждый призван победить в себе.

Если рассматривать введенную в ткань романа притчу о талантах, то в ее контексте еще одна вещь — тетрадь с нотами, брошенная Ефимовым в пыльный комод, — становится эмблемой зарытого в землю таланта. В противоположность своему нерадивому другу скрипач Б. говорит:

Я не зарыл свой талант, как ленивый раб, а возрастил сторицею⁸.

Роман вообще насыщен встроенными в его глубинную структуру притчами. Это притча о блудном сыне, о пропавшей овце, о самовозвышающихся званных, о званных и избранных, о талантах и о тесных вратах.

В Святом Писании подчеркивается, что неправедные в сознании грехов своих «предстанут со страхом» и «беззакония их осудят их в лице их» (Прем. 4:20), т. е. люди осудят сами себя, увидев явно свои грязные духовные лица. О причине смерти Ефимова говорит так:

Истина ослепила его своим нестерпимым блеском.

И далее:

В последний раз, в судорожном отчаянии, хотел он судить себя сам, осудить неумолимо и строго, как беспристрастный, бескорыстный судья... Он умер, потому что такая смерть его была необходимостью, естественным следствием всей его жизни⁹.

В рассказе «Господин Прохарчин» появляется так называемый мотив отрубленной головы грешника топором (**секирой**). Суд Божий над Ефимовым совершается так же:

Казалось, всю жизнь секира висела над его головой, всю жизнь он ждал каждое мгновение в невыразимых мучениях, что она ударит в него, и — наконец секира ударила! Удар был смертелен. Он хотел бежать от суда над собою, но бежать было некуда¹⁰.

Суд Божий сопровождается в романе «музыкальным громом»:

Это были не звуки скрипки, а как будто чей-то ужасный голос загремел... я твердо уверена, что слышала стоны, крик человеческий, плач; целое отчаяние выливалось в этих звуках, и наконец, когда загремел ужасный финальный аккорд, в

котором было все, что есть ужасного в плаче, мучительного в муках и тоскливого в безнадежной тоске, — все это как будто соединилось разом...¹¹

Как замечает Л. В. Карасёв, в основе любого текста лежит «некий неуничтожимый импульс (“исходный смысл”), который осуществляет, показывает себя по мере движения сюжета в цепочке различных, но сущностно связанных друг с другом вариантов (“иноформ”» [1, 10]. Важным сигналом в любом тексте является библейская реминисценция, могущая быть не только одной из иноформ, но и самим выразителем исходного смысла текста. В романе «Неточка Незванова» таким важным сигналом является отсылка к евангельской ситуации, когда фарисеи приводят к Христу грешницу для суда над ней и получают ответ:

Кто из вас без греха, первый брось на нее камень (Ин. 8:7).

Процитируем письмо С. О. к Александре Михайловне:

Они [обвинители] слепы... Им *нечем* увидеть! Они не поверят, что ты невинна, даже *перед их судом*... Какой же камень поднимут они на тебя? чья первая рука поднимет его? О, они не смутятся, они поднимут тысячи камней!¹²

Здесь появляется еще один сигнал, указывающий на совершение фарисейского суда.

Имплицитно введенная притча о мытаре и фарисее выстраивает персонажей романа по смысловому содержанию на двух плоскостях в ряд фарисеев и ряд их жертв. К «фарисеям» можно отнести княгиню Х-ю, старушку княжну, Федора Ферапонтовича и Петра Александровича. Их жертвы — дети — сама Неточка, Катя, Саша, Ларенька и Александра Михайловна.

О фарисеях Христос говорит следующее:

Люди сии чтут Меня устами; сердце же их далеко отстоит от Меня (Мк. 7:6).

Замещая свою истинную сущность видимостью благочестия, фарисеи позволяют себе совершать суд над детьми, «побивать их камнями». Княгиня Х-я благоволит к сиротке Неточке только на показ:

Княгиня стала ко мне вдруг внимательнее и ласковее... Потом, когда кончились визиты, лицо княгини стало приметно суровее¹³.

Обвиняя Неточку в дурном влиянии на Катю, княгиня объявляет сироту чуть ли не разбойницей. Фарисейство ярко выражено и в образе старой сестры князя:

Старушка княжна одевалась вся в черное, всегда в платье из простой шерстяной материи, и носила накрахмаленные, собранные в мелкие складки белые воротнички, которые придавали ей вид богаделенки. Она не покидала четок, торжественно выезжала к обедне, постилась по всем дням¹⁴.

На деле же княжна терроризирует весь дом, а детей — Катю, Неточку и Лареньку (персонаж, исключенный из дальнейших изданий романа после 1849 г.) — считает главными разбойниками.

Фарисеем Фарисеевичем можно назвать Федора Ферапонтовича (образ, позже исключенный из романа). Заглавные буквы имени героя более чем красноречивы в данном контексте. В «Отечественных записках» за 1849 г. знакомимся с его характеристикой:

Чрезвычайно любил беспрестанно толковать... о том, какой он хороший, прекрасный человек, какие он заслуги оказал обществу, каких нажил врагов и как мало пожал...¹⁵

Многоточие здесь, расширяя семантические рамки текста, выводит к аллюзии на притчу о жатве Господней. Намек на жатву последних времен имеет сатирическую окраску. Каждый вечер Федор Ферапонтович «делал из своего дома маленький ад». В очередной раз, когда у него начался приступ самообожания, дети подучили сиротку Лареньку попросить их папу купить яблок. Сцена, разразившаяся после такой «наглости», описывается в стиле Диккенса (вспомним эпизод в работном доме, когда Оливер Твист попросил добавки). Ларенька был обвинен даже в смерти своих родителей.

Главным же фарисеем в романе можно считать Петра Александровича. Обратимся к его портретным характеристикам, которые апостериори передает Неточка:

Помню, прежде всего, меня поразили глаза портрета. Меня поразило тут же, что я почти никогда не видала глаз этого человека: он всегда прятал их под очки.¹⁶

Большие зеленые очки Петра Александровича — метонимический символ его лица-маски (вспомним и лицо-маску Ставрогина в «Бесах»), которую он надевает перед общением с женой. В семантике образа маски выделяется множество культурных пластов. Среди них — смысл, являющий себя в теургическом ключе в оппозиции лик — личина, обнаруженный П. А. Флоренским:

Характерно, что слово *larva* получило уже у римлян значение «астрального трупца», «пустого» — *inanis*, бессубстанциального клише, оставшегося от умершего, т. е. темной, безличной вампирической силы, ищущей себе для поддержки и оживления свежей крови [3, 68].

Реакция Неточки, увидевшей превращение, понятна:

Помню, что я, ребенок, задрожала от страха, от боязни понять то, что я видела.¹⁷

Не осознавая всей сути увиденного, ребенок «сердцем» прозревает в Петре Александровиче астрального вампира — фарисея. Он привык участвовать в маскараде:

Посмотревшись с минуту в зеркало, он понурил голову, сгорбился, как обыкновенно являлся перед Александрой Михайловной, и на цыпочках пошел в ее кабинет.¹⁸

Определение «лицемер», кстати, Достоевский переводит из речевого в изобразительный ряд — герой реально «меряет лицо» дважды перед одним и тем же зеркалом.

В Библии образ зеркала встречается всего несколько раз. Вот одно из употреблений:

Мы же все, открытые лицом, как в зеркале, взирая на славу Господню, преобразуемся в тот же образ (2 Кор. 3:17—18).

В этом контексте Петр Александрович — антипод «открытых лицом» перед зеркалом. Искжая свою сущность, первоначально заложенную в человека как образа Божия, он искажает и само бытие, преломляя его через «кривое зеркало». Его слова и поступки прямо соотносятся с молитвой фарисея из Евангелия от Луки:

Боже! Благодарю Тебя, что я не таков, как прочие люди, грабители, обидчики, прелюбодее... (Лк. 18:11)

Ефимов и Петр Александрович — тираны, каждый из которых мучает свою семью в течение восьми лет. Их жены — родная мать Неточки и любящая ее, как мать, опекунша — мученицы, погибающие по вине мужей. Александра Михайловна, правда, в романном времени не умрет, но чувствует свою смерть, о чем сообщает Неточке.

Проявляется в романе и притча о семени из Благой Вести. Семя, упавшее на камень, плода не дало. Эту притчу Христос завершает словами:

Кто имеет уши слышать, да слышит! (Лк. 8:15).

Только в тексте Достоевского, согласно его собственным задачам, одна из которых — осуждение духовной слепоты, происходит замена органов чувств. Здесь библейская цитата трансформируется, и из слов «кто имеет уши слышать, да слышит!» являет себя следующий смысл: кто имеет глаза, да видит! С. О. пишет о фарисейском суде:

Но они слепы; их сердца горды и надменны; они не видят и вовек не увидят того. Им нечем увидеть!¹⁹

Кстати, «в греческом языке корень (F) οἶδ / (F) εἶδ / (F) ἰδ означал и «видеть», и «ведать» [3, 452]. Христос говорил о фарисеях:

Оставьте их: они — слепые вожди слепых (Мф. 15:14).

Далее в письме происходит конкретизация предтекста, говорится, кроме зрения, и о слухе:

Если б только можно было рассказать им все, без утайки, чтоб видели, слышали, поняли и уверились!²⁰

Именно здесь и заложена глубинная перспектива романа, состоящая в идее восстановления отпавшего от Творца человека.

Примечания

- ¹ Достоевский Ф. М. Нечотчка Незванова // Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч.: В 30 т. Т. 2. Л.: Наука, 1972. С. 147.
- ² Там же. С. 153.
- ³ Там же.
- ⁴ Там же. С. 172.
- ⁵ Там же. С. 184.
- ⁶ Там же. С. 186.
- ⁷ Там же. С. 184.
- ⁸ Там же. С. 150.
- ⁹ Там же. С. 188.
- ¹⁰ Там же.
- ¹¹ Там же. С. 184.
- ¹² Там же. С. 243.
- ¹³ Там же. С. 191.
- ¹⁴ Там же. С. 193.
- ¹⁵ Там же. С. 444.
- ¹⁶ Там же. С. 246.
- ¹⁷ Там же. С. 251.
- ¹⁸ Там же.
- ¹⁹ Там же. С. 243.
- ²⁰ Там же. С. 244.

Список литературы

1. *Карасёв Л. В.* Вещество литературы. М.: Языки славянской культуры, 2001. 400 с.
2. *Топоров В. Н.* Миф. Ритуал. Символ. Образ: Исследования в области мифопоэтического. М.: Прогресс; Культура, 1995. 624 с.
3. *Флоренский П.* Иконостас. М.: Мир книги; Литература, 2007. 464 с.

Natal'ya Nikolaevna Romanova

*Assistant of the Department of World Literature,
Taras Shevchenko National University of Luhansk
(Luhansk, Ukraine)
poetica@post.com*

THE GOSPEL TEXT IN DOSTOEVSKY'S NOVEL "NETOCHKA NEZVANOVA"

Abstract: The article looks at the parallels with the Gospel text that arise in F. M. Dostoevsky's novel *Netochka Nezvanova*. We analyse and compare the parables of the New Testament that implicitly appear in the text of the novel, as well as their artistic transformation. The main focus of our comparative analysis is on God's judgement of the fallen man and human judgement (that of the Pharisee). Among the parables woven into the fabric of the novel we find that of the Pharisee and Publican, of the prodigal son, the lost sheep, the called and the chosen, of the talents and the narrow gate. The comparative analysis is run on both lexical and semantic levels. Biblical

allusions are important signals which allow us to reach the deep layer of the text's original meaning. Both the characters and their possessions have an allusive level of meaning. The article also deals with the issue of sacralization of the female protagonist.

Keywords: kenosis, sacralization, parable, actip

References

1. Karasev L. V. *Veshchestvo literatury* [*Substance of Literature*]. Moscow, Yazyki slavyanskoy kultury Publ., 2001. 400 p.
2. Toporov V. N. *Mif. Ritual. Simvol. Obraz: Issledovaniya v oblasti mifopoeticheskogo* [*Myth. Ritual. Symbol. Image: Selected Studies in Mythopoeitics*]. Moscow, Progress-Kultura Publ., 1995. 624 p.
3. Florenskiy P. *Ikonostas* [*Iconostasis*]. Moscow, Mir knigi-Literatura, 2007. 464 p.